УДК 343.97

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПРЕСТУПНОСТИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ (на материалах Челябинской области)

Мерзлов Юрий Альбертович,
Южно-Уральский государственный университет,
заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: Mya2004@mail.ru
.

Черепашкин Алексей Сергеевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры теории права и уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Аннотация
Кризисные явления в экономике сыграли решающую роль в возникновении глубоких деформаций социальной сферы, многие из которых имеют выраженное криминогенное значение.

Ключевые понятия:
преступность,
численность населения,
безработица,
социальный фактор.

Кризисные явления в экономике сыграли решающую роль в возникновении глубоких деформаций социальной сферы, многие из которых имеют выраженное криминогенное значение. При отсутствии последовательной социальной ориентированности реформ, особенно на их начальном этапе, во много раз увеличилась численность людей, лишенных необходимой поддержки, произошло падение жизненного уровня народа, нарастает резкая и потому социально опасная дифференциация населения по доходам. На этих процессах, чрезвычайно интенсивно стимулирующих рост преступности, следует остановиться подробнее.

Малые города – это населенные пункты, количество жителей которых составляет менее 100 тыс. человек. В Челябинской области к числу таких городов, по данным на 2010 год, относятся такие города, как Озерск, в котором проживает 86 тыс. человек, Троицк (82 тыс. чел.), Снежинск (50 тыс. чел.), Сатка (45 тыс. чел.), Чебаркуль (42 тыс. чел.), Кыштым (40 тыс. чел.), Южноуральск (39 тыс. чел.), Коркино (38 тыс. чел.), Трехгорный (34 тыс. чел.), Верхний Уфалей (33 тыс. чел.), Аша (31 тыс. чел.), Еманжелинск (30 тыс. чел.), Карталы (29 тыс. чел.), Усть-Катав (24 тыс. чел.), Бакал (21 тыс. чел.) [1]. Практически все эти города Челябинской области схожи между собой с позиции социальных составляющих. Именно поэтому социальные детерминанты преступлений в них носят тождественный характер.

Массовая безработица в России 90-х годов стала одной из наиболее значимых примет переживаемого экономического кризиса. Ее уровень оценивается в 10% к общей численности экономически активного населения.

С учетом роста официально зарегистрированной безработицы и значительно более широкого ее распространения в скрытых формах этот фактор создает огромный резерв для воспроизводства преступности. Статистические показатели свидетельствуют о том, что в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, доля трудоспособных в указанных городах, нигде не работающих и не обучающихся, за период с 2007 по 2012 г. выросла почти в три раза [2]. Следует, в этой связи, указать на следующие аспекты криминогенного влияния безработицы на негативную динамику преступности:

а) резкое ухудшение психологического климата в семьях безработных, отчуждение родителей от обязанности по воспитанию детей, поиск забвения в пьянстве, состояние стресса, разрядкой которого нередко служат грубые проявления конфликтности, жесто-

кость (в том числе в отношении собственных детей, совершающих в результате побеги из дома и, в свою очередь, переходящих на преступный путь);

б) вынужденный поиск несовершеннолетними собственных источников дохода, нередко не только в целях элементарной физиологической выживаемости, но и содержания родителей, приводящий самих детей в полукриминальную или чисто криминальную среду;

в) формирование постоянного страха у работающих взрослых потерять рабочее место, что определяет их готовность выполнять любые поручения работодателя, включая пособничество в незаконных и непосредственно преступных деяниях;

г) утрата в случае продолжительного периода безработицы профессиональных навыков и желания трудоустроиться, люмпенизация и маргинализация.

В условиях серьезных экономических трудностей происходит резкое снижение уровня и качества жизни основной массы горожан. Проводимые социально-экономические реформы осуществлялись за счет основной массы соответствующего населения и привели к многократному снижению реальных доходов. Одновременно с их падением ослабло действие такого фактора социально-экономической устойчивости, как государственная социальная поддержка населения. В частности, произошло сокращение социальных трансферт как источника денежных ресурсов. Кризис федеральных и, прежде всего, региональных инвестиций актуализировал проблему переноса бремени финансирования социальной инфраструктуры на само население, что крайне негативно сказалось на уровне жизни. Прежде всего, это коснулось сферы здравоохранения, где жители малых городов лишены возможности комплексного медицинского осмотра, диагностики и лечения, а также сферы образования, в которой родители детей просто вынуждены тратить значительные средства на ремонт образовательных учреждений, приобретение за свой счет учебников и т.д.

Моделирование соответствующей социальной стратификации населения дает следующие результаты:

1) до 80% жителей малых городов оказались за чертой бедности, не имея возможности обеспечить себя даже полноценным питанием;

2) фактически отсутствует «средний класс» в качестве вполне адаптированной к новым условиям развития страты, обеспечивающей фундамент рыночных отношений и социально-политических структур;

3) число лиц, сосредоточивающих в своих руках производственные мощности, сырьевые ресурсы и высокую долю текущих доходов, достигает едва одного процента.

Вместе с тем не следует преувеличивать значение материальной необеспеченности некоторых социальных слоев населения. В частности, в советское время основная масса населения таких городов была намного хуже обеспечена товарами и услугами, чем в более крупных городах – Челябинске, Магнитогорске, Златоусте. Однако в то время люди, сравнивая свое материальное положение с материальным положением других людей, гораздо более удовлетворительно воспринимали тяготы и проблемы своей жизни, потому что точно так же жили и их соседи, а о том, что партийный номенклатурный слой общества жил совершенно иначе, сведения обычно либо не просачивались, либо привычно воспринимались как нечто само собою разумеющееся.

В современный период о том, что совсем рядом есть люди, живущие на недосягаемой высоте обеспеченности, сегодня знает каждый. Для того чтобы понять это, совсем необязательно выезжать за рубеж или наблюдать за жизнью богатых россиян: достаточно посмотреть рекламу или увидеть витрины престижных магазинов. Некоторые бренды не обошли стороной и малые города, но, по данным проведенного опроса, более двух третей жителей малых городов «даже не смотрят в сторону бутиков». Таким образом, в криминологическом аспекте важно не столько само по себе резкое материальное расслоение общества, сколько обостренное осознание этого факта человеком, который находится у грани нищеты.

Результаты отдельных социологических исследований показывают, что бедные семьи воспроизводят главным образом «новую бедность» [3, с. 42]. Это предопределяет дальнейшее втягивание людей в некую «социальную воронку», в частности эволюцию в сторону маргинализации, связь которой с преступностью выглядит вполне определенно. В результате интенсивной маргинализации появился широкий слой нищих, просящих подаяния; бомжей, лишившихся жилья; беспризорных детей, потерявших родителей либо убежавших из дома; алкоголиков, наркоманов, проституток, ведущих асоциальный образ жизни. И если, по некоторым оценкам, такого рода личности составляют сейчас в России около 10% городского населения, то в обследованных малых городах Челябинской области этот показатель достигает по отдельным населенным пунктам до 35%.

Вызывает тревогу и уровень законопослушания населения малых городов. В целом он снижается в результате невыполнения государством своих социальных обязательств перед гражданами (отсутствие адресной поддержки социально незащищенных слоев, массовые невыплаты заработной платы, пенсий, пособий, развал системы бесплатной медицинской помощи и др.).

Бедность, нищета, социальная неустроенность, отсутствие нормальных жизненных перспектив и иные подобные обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии у значительного по масштабу слоя людей экономической свободы, – все это порождает целый комплекс остро негативных социальных последствий. Кроме непосредственно материальных невзгод, находящиеся в таком положении люди оказываются жестко ограниченными в получении нормального образования и профессии, дающей хотя бы минимально необходимые средства для жизни: действующие филиалы даже ведущих вузов Челябинской области недоукомплектованы необходимым потенциалом преподавателей, методическое обеспечение оставляет желать лучшего, учебное оборудование морально непригодно. Таким образом, резко сужается социальная опора государства и общества. Совершенно очевидно: подобное отчуждение, разрыв естественных связей человека и общества чреваты самыми негативными не только общесоциальными, но и криминогенно значимыми последствиями.

Другая сторона дела состоит в том, что нищие, брошенные государством люди – это, по сути, «другие» люди по своей культуре, шкале ценностей и приоритетов, стереотипам поведения, отношению к закону и правилам общежития. В этом отношении их мораль, психология фактически смыкаются с моралью и психологией преступного мира. Среди них значительную прослойку составляют люди, осознающие свое униженное положение изгоев, аутсайдеров и потому озлобленные, ожесточенные, не способные сдерживать себя, готовые в любую минуту преступить закон, мстить за свои беды государству, близким и чужим людям без разбора, не задумываясь даже о собственной судьбе. Не случайна в этой связи активизация деятельности национал-социалистических организаций, базирующихся и имеющих именно в таких населенных пунктах свои «штаб-квартиры». Во всем этом коренится источник негативного влияния и на динамику преступности в стране в целом.

Среди факторов увеличения удельного веса преступлений корыстной направленности в малых городах Челябинской области (прирост в среднем составляет 6–8%) весомое место занимает состояние алкогольного опьянения виновных. Малые населенные пункты постигла настоящая алкогольная катастрофа: пьянство охватило практически все группы населения. Все большая его распространенность представляет вполне реальную опасность в плане вероятности массового спаивания, психической и физической деградации, утраты необходимой трудоспособности.

Конец XX столетия был в свое время ознаменован тенденциями либерализации экономики, что привело к отмене государственной монополии на производство и реализацию алкогольной продукции. К середине 90-х годов и в дальнейшем потребление алкоголя достигло наибольшего за всю историю страны уровня. В эти же годы отмечена и необычайно высокая смертность россиян, злоупотребляющих алкоголем [4, с. 114]. В этот же период оживились пивоваренная и винодельческая промышленности, работающие на отечественном сырье, и чей сектор в производстве соответствующей продукции на сегодняшний день составляет более 65%. Именно пивной бум среди населения, пришедшийся на начало нового тысячелетия, превзошел ожидания даже специалистов по рекламе спиртных напитков. Это и понятно, ведь содержание отдельных аудиовизуальных материалов, посвященных пивной рекламе, завуалировано и обывателю непонятно. [5, с. 56] Так, на одном из уличных придорожных транспарантов, рекламируемых, в частности, пиво «Красный восток», рядом с бутылкой пива были изображены электронные часы, показывающие время «18:00». Внизу плаката надпись: «Когда работа позади!». Только при анализе этого рекламного материала становится очевидной чудовищность пропагандируемых ценностей: семья, трезвое общение с близкими людьми после работы – это ценности второго плана. Главное – когда работа позади – выпить! А все остальное уже потом.

В настоящее время в малых городах отмечается значительное ухудшение здоровья и беспрецедентная психическая патология населения, распространение социально обусловленных болезней. Особую озабоченность вызывает здоровье подрастающего поколения: среди школьников младших классов здоровыми можно назвать лишь каждого двадцатого ребенка. Наиболее существенной предпосылкой этому является стремительное распространение наркомании, ставшей острейшей проблемой в совокупности с предыдущими причинами. Постепенно на смену алкоголю, как атрибуту молодежных досуговых мероприятий, приходят наркотики, которые становятся неотъемлемой частью молодежной субкультуры, компонентом общения в подростко-

во-молодежной среде. За последние пять лет в отдельных городах Челябинской области почти в восемь раз увеличилось число потребителей наркотиков, которых, по оценкам врачей-наркологов, сейчас насчитывается от 30 млн до 50 тыс. несовершеннолетних. При этом резко возросло потребление наркотических средств и других психоактивных веществ несовершеннолетними и сопутствующий рост смертельных случаев, в том числе от передозировки и интоксикации (смертность данной категории наркоманов превышает почти в три раза этот показатель по другим возрастным категориям). За последние пять лет число детей и подростков, наблюдавшихся учреждениями здравоохранения по поводу употребления наркотических и токсических средств, увеличилось в 14 раз.

Таким образом, проблема социальных факторов преступности для малых городов Челябинской области чрезвычайно актуальна. Решать ее необходимо как можно скорее, в противном случае все это приведет к общественному коллапсу, выход из которого, как представляется, еще более затруднителен.

1. Беляева, Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования. 2006. N 9. С. 42.

2. Бордюг, Т., Куликова, Ю., Овчинников, Р. Водку – читателям, пиво – зрителям // Коммерсантъ. 2004. 16 декабря. С. 56.

3. Города и поселки Челябинской области по численности населения [Электронный ресурс] // Информационно-статистический сайт. URL: http://www.mobrechye.ru/chelregion-naselenie.html (дата обращения: 15.01.2014).

4. Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: http://www.mvdinform.ru/ (дата обращения: 16.01.2014).

5. Немцов, А.В. Потребление алкоголя и смертность в России // Социологические исследования. 1997. N 9. С. 114.

References

1. Belyayeva, L.A. Sotsial'naya stratifikatsiya i bed1. Belyayeva L.A. (2006) Sotsial'naya stratifikatsiya i bednost' v regionakh Rossii // Sotsiolo-gicheskiye issledovaniya [Social stratification and poverty in regions of Russia]. N 9, 42.

2. Bordyug, T., Kulikova, Y.U., Ovchinnikov, R. (2004) Vodku – chitatelyam, pivo – zritelyam [Vodka – to readers, beer – to viewers] // Kommersant. 16 dekabrya, 56.

3. Goroda i poselki Chelyabinskoy oblasti po chislennosti naseleniya [Cities and towns of the Chelyabinsk region in terms of population] // Informatsionno-statisticheskiy sayt. Available at: http://www.mobrechye.ru/chelregion-naselenie.html (accessed: 15.01.2014).

4. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii (MVD Rossii) [The Ministry of Internal Affairs] // Ofitsial'nyy sayt [Ofits. sayt]. Available at: http://www.mvdinform.ru/ (accessed: 16.01.2014).

5. Nemtsov, A.V. (1997) Potrebleniye alkogolya i smertnost' v Rossii // Sotsiologicheskiye is-sledovaniya. N 9, 114.

UDC 343.97

ON THE SOCIAL CAUSES OF CRIME IN SMALL TOWNS (on Materials of the Chelyabinsk Region)

Merzlov Yuri Albertovich,
South-Ural State University,
Head of the Department Chair
of Criminal Law
and Criminal Proceedings,
Cand. Sc. (Law),
Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: Mya2004@mail.ru

Cherepashkin Alexei Sergeyevich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Associate Professor
of the Department Chair
of Legal Theory
and Criminal Law,
Cand. Sc. (Law), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Annotation
The crisis in the economy played a crucial role in the occurrence of deep social strains, many of which have expressed criminogenic meaning.

Key concepts:
crime,
population,
unemployment,
social factor.